

ФРАКИЯ И АНТИЧНЫЙ МИР

Сборник Газвил Кацаров. Статьи посвящены по случаю на семидесятигодушнината му 4 октомври 1874—4 октомври 1944, ч. 1, София, 1950, 304 стр., с 75 рис., ч. 2, 1955, 387 стр. с 156 рис.¹

70-летие со дня рождения Г. И. Кацарова Болгарская Академия наук отметила изданием двухтомного сборника, который увидел свет в 1950 и 1955 гг.² Помещенные в сборнике статьи³ принадлежат перу известных ученых из разных европейских стран и красноречиво свидетельствуют о больших научных заслугах юбиляра, равно как о широком диапазоне его исследовательских интересов.

В сборнике усилиями учеников, коллег и почитателей акад. Г. Кацарова нашли отражение основные линии его научных исканий: археология и история Фракии, археология и история Балкан и Северного Причерноморья в древности, история античной культуры в широком смысле слова, археология и история древних славян и болгар.

Наиболее богато в сборнике представлены статьи по археологии, культуре и истории Фракии.

П. К о л л а р (т. I, стр. 7—16) публикует одиннадцать греческих и латинских надписей из окрестной Филиппи, в которых встречаются фракийские имена, например, Καρωστος Αυλοπορεως ο και Α [ε]τι [λ]ας, Valerius Zi [i]pa и другие. Ш. П и к а р (т. I, стр. 25—34) исследует наскальные рельефы Артемиды, сохранившиеся на акрополе в Филиппах, и устанавливает тождественность этой богини с фракийской Бендидой,

⁸ M. P a l l o t i n o, Etruscologia, Roma, 1955, 3-ed.; Fr. A l t h e i m, Der Ursprung der Etrusken, Baden-Baden, 1950.

¹ Латинское название Sertae Kazaroviana. Commentationes gratulatoriae G. K a z a r o v septuagenario ablatae. Serdicae.

² Известия на Българский Археологический Институт, т. XVI и XIX.

³ Всего в сборнике 69 статей исследовательского характера, к которым присовокуплена библиография трудов юбиляра (т. II, стр. 375—386).

изображение которой встречается на монетах Абдер V в. до н. э. Э. Х. Минназ (т. I, стр. 59—60) издал посвяжительную надпись первой половины III в. н. э. из Боуз (Йоркшир), в которой упоминается романизованный центурион фракийской когорты. Г. Георгиев (т. II, стр. 1—13) описывает культовую мраморную статуэтку из Благоево (Разградский округ) 32—33 см высоты, которая датируется энеолитом. Автор устанавливает стилистические сходства и различия с аналогичными статуэтками с Кикладских островов. В. Миков (т. II, стр. 15—48) в обстоятельной статье разбирает вопрос о происхождении фракийских купольных гробниц. Автор полагает, что прототипом для древнейших гробниц VII—VI вв. послужили первобытные долмены, область распространения которых совпадает с зоной купольных гробниц (Восточные Родопы, Сакарские и Странджеские горы) и соответствует племенной территории одрисов в I тысячелетии до н. э. Ст. Стефанов (т. II, стр. 49—54) сообщает о доримских находках из *Novae* около Свищова. Найденные здесь предметы (глиняный сосуд, четыре фибулы и бронзовый браслет) свидетельствуют о существовании на месте античного *Novae* фракийского селения. Н. Койчев (т. II, стр. 55—59) дает описание предметов, найденных в погребениях близ Нова Загора. Наряду с импортными вещами из Греции (архаический железный меч, бронзовая гидрия V в. и шлем IV в. до н. э.) обнаружены два бронзовых браслета местной работы V в. до н. э. Цв. Дремсизова (т. II, стр. 61—83) публикует результаты обследования курганных гробниц около Янково (округ Коларовград). Здесь вскрыты две куполообразные гробницы конца IV в. до н. э. и одна гробница македонского типа (прямоугольная) середины IV в. до н. э. Обращает на себя внимание сосуществование двух погребальных обрядов: труположение для мужчин и трупосожжение для женщин. Ив. Велков (т. II, стр. 85—94) характеризует фракийские поселения в Драгойново (Первомайский округ в Вост. Родопях) IV—III вв. до н. э. Обследованный комплекс включает: крепость на вершине Драгойны, святилище на скалистой горе к востоку от крепости и четыре неукрепленных селища в окрестностях. Очень интересно селище в Гробето, где на обширной террасе 500×500 м сохранился целый ряд каменных оград. Автор справедливо видит в них укрепленные дворы фракийцев (ср. Эсхил, «Персы», 869 сл.), состоявшие из жилого помещения и загона для скота. Д. Дечев (т. II, стр. 95—109) исследует культ Артемиды в районе среднего течения реки Стримона — область обитания фракийского племени маидов. Автор с полным основанием полагает, что под Артемидой понимали здесь фракийскую Бендиду, на что указывает значительное количество votивных посвящений — 17 по сравнению с посвящениями ex-voto фракийскому богу-всаднику — 6. Д. Дечев останавливается также на предполагаемом влиянии минойской *πάτνια ἄρτων*⁴ на культ Бендиды и Артемиды. Т. Герасимов (т. II, стр. 123—128) устанавливает, что изображение бородатой длинноволосой мужской головы на аверсе монет Севта III (323—311 гг. до н. э.) скорее всего представляет собою портрет фракийского правителя. Ив. Голбов (т. II, стр. 129—147) описывает открытые в 1952 г. каменные гробницы некрополя Месембрии (округ Бургас), принадлежавшие богатым жителям города в эллинистическую эпоху. Найденны золотые застёжки, серьги и другие украшения. Весьма любопытен браслет в фрако-скифском стиле. Т. Иванов (т. II, стр. 167—186) разбирает две надписи, найденные в окрестностях г. Разграда в северо-восточной Болгарии. Одна надпись (греческая) времен императора Тиберия, в которой назван фракийский царь Реметалк II, другая надпись (латинская) упоминает римский военный лагерь при городе *Abritus*, который раньше искали около деревни Антаат-Кале в Добрудже. Ив. Венедиков (т. II, стр. 195—205) публикует два рельефа (ex-voto) римского времени, которые дают представление о земледельческих культах Фракии. На одном рельефе (дер. Краница, округ Ст. Димитров) изображено прибытие Диониса на остров Наксос, на другом (дер. Криводолска Михала, округ Врач) — шествие богов. С. И. Бобчев (т. II, стр. 207—217) дает описание святилища Митры, открытого в Софии в 1931 г. Это продолговатое прямоугольное здание (18,50 × 15,85 м) конца III — начала IV вв.,

⁴ В минойских надписях она выступает под именем *Qerasija*. С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 310—311.

состоящее из трех продольных отделений со сводами. Центральное отделение по бокам имело низкие выступы с полукруглыми углублениями для воды. В западной стене сохранились ниши для статуй. Д. Ц о н ч е в (т. II, стр. 219—224) приводит краткую характеристику античных памятников, найденных при раскопках церкви V в. около Исперихово (Айдиново) Пещерского округа. Из стен и фундаментов церкви извлечены мраморные обломки двух алтарей и капители, фрагменты двух надгробных рельефов (один с надписью) и т. д. Л. О г н е н о в а (т. II, стр. 233—243) описывает три серебряные блюда, обнаруженные в 1952 г. на станции Червен Бряг в Северной Болгарии. Блюда датированы десятым годом царствования Лициния (318 год) и, скорее всего, изготовлены на родине императора в правобережной Дакии в ознаменование перемирия между Константином и Лицинием.

Переходим к историческим статьям, посвященным древней Фракии. И. И. Р у с с у (т. I, стр. 35—40) касается спорного вопроса об этническом происхождении историка Фукидида. Автор обращает внимание на Охуг. Раруг., XI, 1800, fr. 2, который содержит важное сообщение, что отец Фукидида Олор был выходцем из Фракии и афинским метэком⁵. Удивляет неожиданный вывод, который делается из этого весьма ценного наблюдения, что новаторство Фукидида в области греческой историографии и есть прямой результат его неаллинского происхождения. А. В и л ь г е л ь м (т. I, стр. 41—46) предложил ряд новых чтений к декрету легата Квинта Сидниция Клара 202 г. н. э. об основании фактории в Пиэозе. Особенно интересны конъектуры к строкам декрета, в которых идет речь о мероприятиях против лиц, стремившихся к перевороту. Ж. К о м а н (т. I, стр. 177—184) разбирает легенды о Залмоксисе⁶ и Орфее, сравнивает их учения и приходит к выводу, что оба они были историческими личностями и «основателями организованной жизни и культуры фракийцев». Из этих весьма спорных заключений делается вывод о значительном воздействии фракийской культуры на древнегреческую, опять-таки без достаточных оснований.

П. Р у с с е л ь (т. I, стр. 257—263) дал анализ кампаний Клеона во Фракии в свете известий Фукидида и данных списков фороса 425 и 421 годов. Не лишено методической ценности остроумное замечание автора, что в связи с фрагментарностью списков их реконструкция и интерпретация современными учеными может оказаться не менее пристрастной, чем описание Фукидида, ярого противника Клеона. Р. П е т т а ц о н и (т. I, стр. 291—299) пытается различить периоды и социальные аспекты в истории древнефракийской религии. Так, согласно автору, культ Гермеса, о котором Геродот (V, 7) сообщает, что «его пари почитают отдельно от народа», в римское время растворился в культе бога-всадника⁷. В этом Петтацони видит процесс «демократизации» фракийской религии. Не касаясь терминологической стороны, можно согласиться с автором лишь в том, что изменение структуры фракийского общества в римское время должно было в какой-то мере стимулировать процесс синкретизации местных культов с греко-римскими. Г. М и х а й л о в (т. II, стр. 149—165) комментирует вновь найденный в 1950 г. в Мессембрии почетный декрет в честь фракийского царя Садала⁸. По палеографическим и историческим соображениям автор относит декрет к периоду после смерти Лисимаха и до нашествия кельтов, т. е. к 281—279/77 гг. Г. Михайлов

⁵ Ср. O. L u s c h n a t, Der Vatersname des Historikers Thukydides, «Philologus», т. 100, вып. 1—2, 1956, стр. 134 сл. и 157.

⁶ См. также Fr. P f i s t e r, Zalmoxis. Studies presented to D. M. Robinson, II, St. Louis, 1953, стр. 1112 сл.

⁷ G. I. K a z a r o v, Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien, Budapest, 1938, «Dissertationes Pannonicae», серия II, № 14; о н ж е, Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien, Wissenschaftliche Zeitschrift d. Marx-Universität, вып. 2—3, Lpz, II, 3 Jhg., 1953—1954, Gesellschaftswissenschaftliche Reihe, стр. 135—137.

⁸ Надпись вошла в первый том Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae (ed. G. Mihailov, Serdicae, 1956), № 307.

считает Садала одрисским правителем, а не асийским, как полагает Хр. Данов⁹. Очень существенны сведения декрета о зависимости Мессембрии от фракийских царей в раннеэллинистическое время. Б. Геро в (т. II, стр. 187—193) касается вопроса о виноградарстве в Нижней Мезии в римское время. Из отрывка Дигест (XLVIII, 19), восходящего к сочинению юриста II века Клавдия Сатурнина, автор делает вывод, что суровые штрафы за порчу лоз были, вероятно, установлены в связи с враждебными действиями мирного населения. По мнению Б. Герова, античные сведения, приписывающие императору Пробу (280 г.) заслугу введения виноградарства в Мезии, следует отнести к Верхней Мезии. М. Мирчев (т. II, стр. 225—232) публикует новый каталог эфемов из Дионисополя, который относится к 212—230 годам н. э.¹⁰. Надпись подтверждает факт вхождения Дионисополя в союз шести городов (первосвященник М. Аврелий Антипатр носит титул понтарха) и дает кое-какой ономастологический материал для суждения о романизации правящей верхушки. В. Велков (т. II, стр. 245—260) критически анализирует сведения о Фракии, содержащиеся в X речи Фемистия, и устанавливает, что некоторые сведения периода первой готской войны (367—369 гг.) заслуживают внимания, так как опираются полностью на личные впечатления известного панегириста. Так, любопытны в плане социальной истории сведения Фемистия о работорговле (рабов доставляли готы), о натуральных повинностях, которые несли местные жители при постройке крепостей, и об антагонизме между римской армией и туземным населением.

Отдельного рассмотрения требуют лингвистические статьи, касающиеся античной Фракии. Ж. Сьер (т. I, стр. 166—176) дает общую характеристику лингвистической структуры фракийского ономастологического материала (полностью охвачен в фундаментальной сводке акад. Д. Дечева, недавно вышедшей из печати)¹¹. Автор показывает, что наибольшее познавательное значение имеют многосложные имена, например, четырехсложные, состоящие из двух двусложных слов: Κεϋτοϋ — τραπεζις, Διζα — χεϋρης. Пятисложные и трехсложные имена представляют собою одно или два двухсложных слова + аффикс, например: Stelugermāne < Stelu — germa, Δι — βετιϋους. Статья имеет не только теоретическое, но и практическое значение при восстановлении плохо засвидетельствованных фракийских имен. И. Петканов (т. II, стр. 271—278) исправляет и дополняет некоторые чтения народнолатинской надписи из Главницы (округ Пазарджик), прочитанной акад. В. Георгиевым. Так, автор не считает начертание Βαφε собственным именем Βαυσις, а видит здесь сокращение: b(e)a(to) f(amolo) или f(ideli) c(risti) (I) e(su). И. Петканов также склонен датировать надпись скорее III—IV вв., чем V—VI, как это делает В. Георгиев. В. Бешевлиев (т. II, стр. 278—303) анализирует латинские названия местностей в Мезии и Фракии¹². Известно, что латинские топонимы на Балканах — это главным образом названия крепостей и стоянок на основных римских военных магистралях. Самый большой процент латинских названий местностей показывает придунайская дорога от устья реки Тимок до г. Силистры. Самый низкий процент дает путь Белград — Константинополь. Статья эта представляет собою важный вклад в исследование географического аспекта романизации на Балканах. В. И. Георгиев (т. II, стр. 305—325) излагает результаты своей большой работы о гидронимах северо-восточной части Балканского полуострова. Небезынтересно, что названия самых больших рек (Тимок, Искыр, Вит и др.) восходят к доримским названиям, малые же реки носят названия романские (арумынские и румынские), болгарские и турецкие. Преобладающее число романских гидронимов сконцентрировано в области между реками Тимок и Искыр и показывает, что эта область,

⁹ Ср. Хр. М. Данов. К истории Фракии в III в. до н. э. (новая надпись из Мессембрии), ВДИ, 1954, № 2, стр. 174 сл.

¹⁰ G. Mihailov, IGRB, I, № 14.

¹¹ D. D. Detschew, Die Thrakischen Sprachreste, Wien, 1957 (Oesterr. Akademie, Phil.-hist. Klasse. Schriften der Balkankommission. Linguist. Abteilung, XIV).

¹² Ср. также В. Бешевлиев, Античната топонимия у нас като исторически извор. Известия на Института за Българ. Език., III, 1954, стр. 341 сл.

наряду с Нишской и Софийской, входила в состав древней балкано-романской «прародины»¹³. Заслуживает также внимания наблюдение автора о двух языковых слоях на ареале фракийского языка в догреческое время¹⁴. Однако из того факта, что разобранные автором гидронимы индоевропейского происхождения, еще не вытекает, что индоевропейцы здесь аборигены. Такое заключение было бы более убедительным в том случае, если бы подверглись исследованию не только гидронимы, но и другие топонимы (названия гор, долин и т. п.), хотя вообще всякая аргументация *ex silentio* содержит в себе зародыш сомнения. В. Георгиев неправоммерно также распространяет свои выводы на южную оконечность Балкан, так как присутствие доиндоевропейских племен и языков для Эгеиды и Малой Азии бесспорно.

Переходим к статьям по археологии и истории других балканских стран и Северного Причерноморья. Начнем с Дакии.

М. М а к р я (т. I, стр. 61—69) пишет об античной Кумидаве. При раскопках 1939 г. в Рышнов (округ Брашов — Трансильвания) по соседству с римским лагерем обнаружена была дакийская керамика, а в 1943 г. была здесь найдена надпись, в которой упоминается *coh(ors) VI no[va C]umidavensi[um A]lexandriana[e]* начала III века нашей эры. Автор справедливо подчеркивает, что гето-дакийское *dava* — это селение, а не укрепление. На это указывает и общefракийская этимология этого слова¹⁵. К. Д а й к о в и ч у (т. I, стр. 75—80) дает описание дакийских укреплений в Карпатах к югу от реки Муреш (юго-западная Трансильвания). Городища расположены террасообразно на склонах гор на высоте не ниже 500—700 м и сконцентрированы на сравнительно небольшой территории в 125 км² к югу от Орэпште в долине речки Алба Ана-Орашулуй¹⁶. Автор полагает, что это остатки системы укреплений, защищавшие подступы к царской резиденции в Сармизегетусе. Р. В у л п е (т. I, стр. 89—98) пишет о дате постройки римского вала в Нижней Бессарабии. Вал этот тянется на 126 км параллельно нижнему течению Дуная от Прута до лимана Кондук. Вал состоит из рва с северной стороны глубиной 2 м и насыпи высотой 2—3 м. Вал, как полагает автор, был воздвигнут в IV в. против готов. Д. Т у д о р (т. I, стр. 159—163) описывает памятники культа из раскопок Точилеску в Дробете 1896—1899 годов (сейчас в Национальном Музее в Бухаресте). Среди мраморных фрагментов выделяются посвящение Митре, два посвящения фракийскому богу-всаднику (происходит ли второе *ex voto* из Дробеты — неизвестно) и изображение Венеры. Э. К о н д у р а к и (т. I, стр. 185—190) анализирует две культовые статуэтки, приобретенные в Томах до первой мировой войны. Интересна статуэтка головы высотой в 31 см с двумя приставными головами: одна с обычной прической Кипсоны, вторая — с венком из дикого винограда (?). Автор полагает, что мы имеем здесь дело со случаем серийного производства статуэток в целях удешевления предметов культа. Т. С а у ч у к - С а в я н у (т. I, стр. 219—222) сообщает о кладе золотых предметов, найденном им в 1930 г. около восточной стены акрополя в Каалати. Среди найденных фрагментов украшений следует отметить гладкую золотую проволоку длиной 623 мм, приделанную к трем спаянным между собою золотым кольцам общей высотой 14 мм и диаметром 25 мм, а также гривну (общая длина фрагментов — 40,35 см), имеющую ближайшие аналогии в южнорусских находках. Гр. Ф л о р е с к у (т. I, стр. 285—290) публикует новую надпись из Капидавы, в которой упоминается некий М. *Socceius Vitlus* — ветеран и сигнифер 1-й когорты Убиев. *Cognomina* отца и второго сына (*Vitlus, Nardus*), свидетельствуют, что перед нами ро-

¹³ В. Ф. Ш и ш м а р е в, Романские языки юго-восточной Европы, «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 81 сл. и особенно стр. 84—85. Сборник «Вопросы молдавского языкознания», М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, стр. 85, сл. и 90—91.

¹⁴ Ср. Б. И. Н а д е л ь, «Вопросы языкознания», 1955, № 2, стр. 141.

¹⁵ Ср. Д. Д е ч е в, Характеристика на тракийския език, София, 1952, стр. 20, 34, 80, 94.

¹⁶ Ср. также И. Т. К р у г л и к о в а, Дакия в эпоху римской оккупации, М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 43—50.

манизованные туземцы, которые в начале II в. получили римское гражданство и землю на границе.

Античной Иллирии посвящены статьи югославских ученых. Д. С е р г е е в с к и й (т. I, стр. 81—87) анализирует несколько римских рельефов из центральной Боснии (Зеница, Травник, Высокий), датируемых второй половиной III в. н. э. Автор обращает внимание на некоторые черты рельефов, сходные с резьбой по дереву, и видит в этом следы «культурного консерватизма» иллирийцев. И. К о р о ш е ц (т. I, стр. 131—141) затрагивает вопрос о датировке так называемой «славонской» культуры (местные разновидности Вучедолская, Зокская, Любланско Барье и др.). Как показали раскопки в Птуе в 1946—47 гг., время этой культуры падает на конец эпохи бронзы. И. К л е м е н ц (т. I, стр. 229—234) публикует латинские надписи из Словении, а М. А м б р а м и ц ь (т. I, стр. 235—240) — две надписи из античной Далмации. В надписях из Словении (Птуй) упоминаются разные римские части, в надписях из Далмации — две римские колонии: Colonia Claudia Aequum (современный Читлук около Спльи — время Адриана) и Colonia Noronitana (современное Любошкво в Герцеговине — время Тиберия), основанная на землях иллирийского пага Скунастика. М. К о с (т. I, стр. 241—248) дает систематический обзор топонимов античного происхождения в Словении (названия местностей, гидронимы и оронимы). Можно лишь сожалеть, что обзор весьма краток.

Северочерноморской тематики касаются две статьи советских ученых. Л. А. М а ц у л е в и ч (т. I, стр. 1—6) дает опыт реконструкции охотничьих сцен на кожаной обивке керченских щитов IV в. н. э. Автор полагает, что щиты эти «предназначались скорее всего для парадного, ритуального погребения» (стр. 6). Очень правильным нам представляется замечание, что сильная зависимость художественных изображений на щитах от римских образцов не снижает их ценности как памятника местного искусства. В. В. С т р у в е (т. I, стр. 115—130), полемизируя с покойным американским лингвистом Р. Г. Кентом, доказывает, что упоминаемые в накши-рустемской надписи Дария «саки, которые за морем», не тождественны с причерноморскими скифами, а относятся к среднеазиатским даям (стр. 126). Спорным мне кажется утверждение автора, что каспии являются одним из племен саков-массагетов, а не этносом переднеазиатского происхождения (стр. 125, пр. 1)¹⁷.

Две статьи в разбираемом сборнике посвящены балкано-черноморским связям в раннеисторическое время. Фр. Х а н ч а р (т. I, стр. 265—274) исследует некоторые черты сходства в материальной культуре Северного Кавказа раннескифской эпохи (черная полированная керамика и железные изделия из Моздока и Нальчика) и Гальштата. Объяснение этого факта автор видит не в отождествлении гальштатской культуры со скифской (А. А. Спицын) или с кобанской (Шантр, Вильке), а в этнических передвижениях киммерийцев — носителей кобанской культуры («Восточного Гальштата» по терминологии Фр. Ханчара). А. М и л ч е в (т. II, стр. 359—373) предлагает в этом же плане пересмотреть вопрос о так называемых кобанских памятниках из Болгарии VIII—VII вв.: четыре бронзовые секиры и две культовые фигурки оленя из окрестностей городов Тетевен, Стара Загора и Севлиево. Автор считает, что перед нами находки, которые свидетельствуют об этническом продвижении киммерийцев через Украину и Бессарабию (Михалковский клад на Волыни, Бородинский клад в Молдавии) на Балканы. Должен заметить, что в упомянутых выше статьях для меня неубедительны следующие моменты: 1) положение об этно-генетическом родстве, базирующееся исключительно на типологическом сходстве памятников материальной культуры, 2) мысль о генетической общности материальной культуры эпохи раннего железа на столь обширной территории, как Кобань — Прикубанье — Юг Украины — Бессарабия — низовья Дуная — Фракия. Нельзя ли видеть здесь результат межплеменных экономических и культурных связей?

Обратимся к статьям сборника, затрагивающим различные аспекты культуры и истории греко-римского мира. М. Н и л ь с о н (т. I, стр. 17—20) рассмотрел в своем

¹⁷ Ср. И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э., М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 92.

этуде две разновидности малоазийских псевдомистерий, одна из которых носила профессиональный характер (объединения актеров, танцоров и т. д.), другая же была связана с культом императора. На эпиграфическом материале основана также статья И. К е й л я (т. I, стр. 213—217). Автор талантливо восстановил сильно поврежденную эпиграмму эпохи Августа из Эфеса, в которой упоминается неопифагорейское учение о двух жизненных путях. П. К р е ч м е р (т. I, стр. 99—105) коснулся двух вопросов, связанных с античной системой пунктуации, а именно выделение точками согласных в конце слога и гласных, начинающих слог. Явления эти встречаются в этрусской и венетской системах письма. Первую черту покойный венский языковед был склонен возвести к особенностям семитического письма, несмотря на отсутствие аналогичной пунктуации в финикийском алфавите (масоретская и сирийская пунктуационные системы не древнее V—VI веков н. э.). Вторая черта, по мнению Кречмера, имеет аналогии в минойском письме. На самом деле, как и в кипрском силлабарии, мы имеем здесь дело со словоотделителем. Необходимо напомнить, что предположение это было сделано до дешифровки линейного письма «В».

Три статьи затрагивают вопросы античной архитектуры. Р. Д е м а н ж е л (т. I, стр. 47—52) исследует древневосточные архитектурные прототипы финикийских букв *daleth* (греч. Δ) и *he* (греч. Ε) и стремится показать роль восточного древнего орнамента, имевшего, между прочим, и магическое значение, в развитии монументального дорического фриза. Автор сам подчеркивает гипотетический характер его построений. В. Д. Б л а в а т с к и й (т. I, стр. 70—74) останавливается на роли культовой скульптуры в развитии греческого храма. Автор обращает внимание на переходный характер храмов в Дерросе (VIII в.) и Артемиды Ортии в Спарте (IX—VIII вв.), первый из которых показывает ряд следов, восходящих к традиции мегарона, а второй — отрыв от этой традиции. Переход к новому типу зодчества в первую очередь связан с увеличением размеров культовой статуи (архаическая голова Геры из Олимпии имеет высоту 0,52 м, в то время как изваяние Артемиды Ортии жрица свободно носила на руках). М. Б р и ч к о в а (т. II, стр. 261—269) рассматривает вопрос о малоазийском происхождении фронтона эллинистического храма. Трехчленное деление фронтона с более широким центральным входом автор выводит из сирийского *adyton* первых веков н. э. Автор показывает также, что этот архитектурный прототип лежит в основе иконостаса православной церкви (не раньше VI в. н. э.).

Значительный интерес представляет статья Г. Р о д е н в а л ь д т а (т. I, стр. 53—58) по истории позднеантичного искусства. В соответствии с новейшими тенденциями в западной историографии, которые подвергают пересмотру вопрос о культурном и историческом значении поздней античности и раннего средневековья (А. Пирени, Э. Курциус, Г. Ф. Мюллер), автор предлагает новую хронологизацию и периодизацию позднеантичного искусства. Для Г. Роденвальдта позднеантичное искусство не переходный, а самостоятельный период в истории искусства с конца III до середины VI в. н. э. (от Диоклетиана до Юстиниана). Ведущей отраслью искусства становится монументальная архитектура, которой подчинены живопись и мозаика. Наиболее значительные этапы развития — эпоха Константина (зарождение базилики) и VI в. (постройки Раверны и Константинополя).

Три статьи в сборнике затрагивают вопросы античного наследия в культуре современной Европы. Фр. Д о р н з е й ф (т. I, стр. 281—284) исследует семантическое развитие термина *res publica*. Уже у Цицерона дважды встречается *res publica* в значении *libertās* (как противоположность *regnum*), так что отпадает необходимость выводить это значение из политических воззрений оптиматской оппозиции времен Тацита, как считалось до сих пор. Вместе с тем основное (античное) значение термина *res publica* (община, государство) держалось еще в политической терминологии Европы в начале XIX века. Э. О б е р г у м м е р (т. I, стр. 301—303) дает краткий обзор трактовки проливов как границы материков в географической литературе от античности до нового времени. Античное воззрение, что Боспор и Дарданеллы — рубеж Европы и Азии, было усвоено также турками. Упоминает автор об интересе к Боспору и со стороны путешественников нового времени и немецких топографов XIX в. Фр. Д е л ь г е р (т. I, стр. 275—279)

анализирует византийскую легенду о взятии болгарской крепости Мельник в 1255 г. при котором якобы сотворили чудеса св. Федор Терон и св. Федор Стрателат. Поскольку культ св. Федора-воителя засвидетельствован для этой территории уже Прокопием в VI в., автор полагает, что перед нами культ и легендарный мотив, которые восходят к фракийскому богу-всаднику.

Не останавливаясь за неимением места на поучительной литературоведческой статье Т. С и н к о (т. I, стр. 143—149) о связях греческого любовного романа (Харитон, Ксенофонт Эфесский, Лонг, Гелиодор) с новоаттической комедией, переходим к статьям исторического содержания. Их всего шесть, из них одна посвящена историко-религиозной тематике. А. А л ь ф е л ь д и (т. I, стр. 21—24) доказывает, что при Аврелиане имело место лишь одно вторжение ютунгов, а не два. Из сравнения текста SHA и Зосимы вытекает, что поход против аламан у Зосимы соответствует войне с маркоманами Vitae Aureliani и вторжению ютунгов Девкисипа. Ю. В о л ь с к и й (т. I, стр. 111—114) исследует вопрос о монетах Андрагора, обнаруженных в 1879 г. на берегу реки Каба-ананы, притока Окса. Единственным исторически известным Андрагором в III в. до н. э. является одноименный сатрап Парфии, восставший после третьей сирийской войны в 245 г. против Селевкидов и продержавшийся до нашествия Аршакидов в 238 г. Ему, по всей вероятности, и принадлежат монеты. Э. Г р е н (т. I, стр. 151—157) дает интересный анализ легенд об основании Константинополя, сохранившихся у Гесихия Милетского, Прокопия, Иоанна Малалы. Автор показывает наличие в легендах ряда напластований и политических тенденций. При Константине шла речь исключительно об основании второго Рима, но в V в., в связи с падением Западной империи, переосмыслиется факт основания столицы на Востоке. Любопытна контаминация тенденций западного происхождения с восточными мотивами (например, мессиаистские чаяния о подчинении Рима Востоку). Недавно скончавшийся Л. П и о т р о в и ч (т. I, стр. 191—194) написал этуод о так называемом судебном законе Квинта Сервилия Цезиона (106 г. до н. э.) и присоединился к мнению тех ученых (Моммзен, Каркопино), которые доказывали, что проект этот так и не был поставлен на голосование перед комициями. Хр. Д а н о в (т. II, стр. 111—121) касается истории полусвободных крестьян в античную эпоху, преимущественно на Балканах и в Малой Азии (проспелаты у ардейцев в Илирии, рабы у дарданов, фрако-вифинские крестьяне в Византии и т. д.). Наиболее интересны в статье новые балканские эпиграфические свидетельства о положении так называемых лаой эллинистического времени. Заметим, что статья Хр. Данова — единственное в сборнике исследование по социальной истории. Фр. П ф и с т е р (т. I, стр. 249—255) характеризует изображение кабана на конской сбруе, известные из Болгарии (публикации Г. И. Кацарова), Италии и Галлии (Иттельгейм около Страсбурга — VII в. н. э.). Автор считает, что такие амулеты не свидетельствуют о пережитках доисторического культа кабана у индоевропейских народов, что кажется спорным.